

УДК 94 (410) | 18 |

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СТРАНИЦАХ «THE EDINBURGH REVIEW» В ПЕРИОД 1802–1812 гг.

В. С. Ерёмин

Саратовский государственный университет
E-mail: fuzzystone@gmail.com

В статье рассматриваются образы Российской империи в журнале «The Edinburgh Review» в период с 1802 по 1812 г. Особое внимание уделено пространственно-климатическим, потестарным образам, а также стереотипам восприятия иностранцами российского общества.

Ключевые слова: история Великобритании, образы России, «The Edinburgh Review».

The Image of the Russian Empire in the Columns of «The Edinburgh Review» During 1802–1812

V. S. Eremin

The author of this article studies the images of the Russian Empire in periodicals «The Edinburgh Review» in the period from 1802 to 1812. Particular attention is paid to the space-climatic, Potestarian images and stereotypes of foreigners about Russian society.

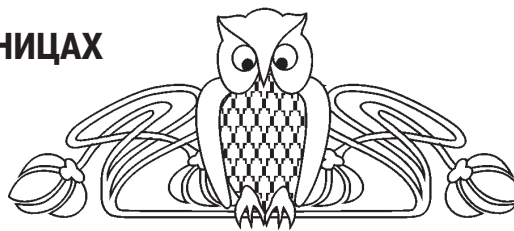
Key words: history of the United Kingdom, images of Russia, «The Edinburgh Review».

Шотландский ежеквартальник «The Edinburgh Review» по праву являлся одним из наиболее влиятельных периодических изданий своего времени. Несмотря на формально литературно-критическую направленность обзора, первый главный редактор Фрэнсис Джеффри и его авторы не считали самоцелью освещать лишь художественные произведения. Читатели журнала из обзоров «The Edinburgh Review» могли пополнить свои знания по истории, юриспруденции, химии, астрономии, хитросплетениям политики и мн. др.

Джеффри и его коллеги избрали вигский политический курс, имея при этом за плечами солидный багаж идей шотландских просветителей, который подпитывался духом романтизма.

Совершенно особое место в редакционной политике издателей «The Edinburgh Review» занимала литература путешествий¹, в которой априорно заложено стремление автора донести до читателей свое представление о «Другом».

Конечно, исследование путевого образа «Другого» далеко не новый жанр в историографии, здесь есть своя традиция, свои общеметодологические установки. Обращается внимание и на необходимость учитывать нюансы взаимодействия в процессе формирования образа «Другого» первоначальной психологической и социокультурной установки и реалий путешествия, и на взаимосвязь формируемого тем или иным автором

образа «Другого» с зигзагами внешней политики. Следует брать во внимание разницу между первоначальным впечатлением и представлениями, сформированными на основе пережитого, зафиксированными, обработанными, «подготовленными к публикации», и то, что образ страны и образ народа, социума тесно переплетены (даже когда автор преднамеренно их различает). Чем выше динамика путешествия, чем более автор чувствует себя свободным в правилах описания «Другого», чем менее автор обязан что-то описывать, а делает это на добровольной основе, не особенно заботясь о нарративе как о «побочном продукте» путешествия, чем, наконец, ниже собственно рефлексивные возможности автора, тем выше стереотипичность образа и т. д.²

Но мы в случае с «The Edinburgh Review» имеем дело не с анализом собственно авторского восприятия «Другого», а с анализом «эрзац-образов», суррогатов восприятия «Другого», предлагаемых читателям авторами обзоров ежеквартальника. Шотландские публицисты выступают в данном случае в роли неких «тьюторов», наставников-консультантов, которые на свой вкус уже отобрали для читателя самое интересное или важное и даже оставили некоторые свои собственные акценты и комментарии.

Эдинбургские публицисты, стараясь осветить как можно большее количество стран и регионов планеты, также не обошли вниманием и Россию, Российская империя предстает на страницах издания и как главный герой обзоров, и как действующее лицо второго плана. Авторы обзоров интересуют не только живописные заметки путешественников, но и их мнения о военном, экономическом потенциале России, о её внешней политике, участии в военно-политических блоках и роли в новой системе европейских отношений. Отсюда и многоаспектность того образа России и русских, который мог сформировать у себя в сознании английский читатель, ознакомившись с рядом выпусков «The Edinburgh Review».

Мы сейчас сосредоточим внимание главным образом на природно-климатическом и потестарном (как деперсонифицированном, так и персонифицированном) образе России, который предлагали своим читателям редакторы «The Edinburgh Review» в годы Наполеоновских войн.

В представлениях о России можно выделить несколько уровней³. Во-первых, это архетипы «варварской» страны, проявляющиеся особенно,

когда речь идет о восточных окраинах государства. Стереотипы о деспотичном характере власти и рабском состоянии основной массы населения, о таких чертах русского «национального характера», как лень, корыстность, склонность к обману. И наконец, собственно «образы», отрефлексируемые индивидуальными мнениями. Особенно это касается персонифицированного образа власти, к примеру, в лице императора Петра I или деперсонифицированного восприятия столичного общества в целом.

Шотландские публицисты особенно любили обращать внимание читателей на личности русских императоров или на описания столицы России. Санкт-Петербург – не просто «окно в Европу», но и еще «окно в Россию», через которое путешественники попадают в другой мир. Что же касается правителей России, то их оценки динамичны, зависят от политической конъюнктуры: пример тому – изменения акцентов в восприятии Александра I после 1812 г., который стал своеобразной точкой бифуркации в эволюции образа России на страницах «The Edinburgh review».

За первую четверть XIX в. Российской империи на страницах «The Edinburgh Review» посвящено 32 обзора, кроме того, в среднем в каждом втором номере журнала она, так или иначе, упоминается. Среди публикаций в период с 1802 г. по 1812 г. лишь три целиком и полностью посвящены Российской империи. Это обзоры на следующие произведения: «Картины Петербурга»⁴ Генри Сторча, «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг.»⁵ профессора Петера Симона Палласа, «Очерки о внутренней силе, военных и военно-морских силах Франции и России; с примечаниями относительно их нынешних связей, политических влияний, и будущих проектов»⁶. Следует отметить, что последний обзор относится скорее к области внешней политики Великобритании и заостряет внимание на внешнеполитических аспектах положения дел в Европе в период Наполеоновских войн.

Среди других текстов особенно выделяются обзоры литературы о путешествиях, в которых освящаются отдельные части Российской империи. К таковым относятся: «Северное лето: или путешествие вокруг Балтики через Данию, Швецию, Россию и часть Германии в 1804 г.»⁷ Джона Карра, «Очерки путешествия по России и Швеции в 1805, 1806, 1807, 1808 гг.»⁸ Роберта Керра Портера, «Путешествия в разные страны Европы, Азии и Африки. Часть первая – Россия, Татария и Турция»⁹ Эдварда Даниэла Кларка.

К отдельной группе обзоров можно отнести очерки, посвященные вопросам международной политики. В них Россия также выступает частым фигурантом, но они были опубликованы уже после 1812 г., когда авторитет Российского государства на международной арене значительно возрос, в связи с чем её образ претерпевает изменения.

Обзор на книгу «Путешествие из Москвы через Пруссию, Германию, Швейцарию, Францию

и Англию»¹⁰ Н. М. Карамзина не представляет для нас интереса в контексте заявленной темы, поскольку посвящен описанию Европейских государств. Но факт внимания шотландских обозревателей к данной работе является небезынтересным.

Особое впечатление как на авторов обозреваемых книг, так и на шотландских издателей производят пространственно-климатические характеристики Российской империи. Размеры территории колоссальны и поражают воображение. В обзоре на книгу «Очерки путешествия по России и Швеции в 1805, 1806, 1807, 1808 гг.» Роберта Керра Потера¹¹ автор, а вслед за ним и обозреватели «The Edinburgh Review», красочно описывает путешествие зимой из Петербурга в Москву. Пейзаж, который английский путешественник наблюдал из окна кибитки, для него выглядит чудовищнее арабской пустыни. На пути Потер не встречал ни человека, ни даже следов его пребывания, или хотя бы дерева. Один лишь снег тянулся до самого горизонта. У него было ощущение, что он затерялся где-то в море, далеко от большой земли¹². Из-за плохих дорог постоянно ломаются повозки, которые просто не приспособлены к ним.

В статье, посвященной «Очеркам о внутренней силе, военных и военно-морских силах Франции и России»¹³, образ бесконечной пустыни приобретает границы, что, впрочем, не делает масштаб Российской империи меньше: «Её границы наполовину омываются несудоходными океанами, другая половина населена азиатскими народами и кочевыми племенами, и лишь Балтика и Черное море подвластны (Судоходству. – В. Е.), а остальные части государства и вовсе недоступны. Только Западную границу необходимо охранять, и Европа не может организовать ни одной силы, которая бы смогла оказать влияние на эту четверть государства, <...> её ресурсы огромны и безграничны»¹⁴. Несмотря на подобный масштаб, обозреватели «The Edinburgh Review» поправляют автора книги, оптимистично утверждая, что в случае крайней необходимости подобную силу организовать все же возможно. Таким образом, они показывают призрачность мнения о непобедимости России.

Отдельно стоит выделить описания столицы Российского государства, чей образ резко контрастирует с образом провинции.

Уже во втором номере «The Edinburgh Review» в обзоре на сочинение Генри Сторча «Картины Петербурга» столица Российской империи представляется как прецедент небывалого строительства, в котором «так много искусственного и слишком мало природы»¹⁵. Город Петра Великого – беспримерное вложение средств и труда, заточивших Неву в узкие берега и облачив все внутреннее пространство города в гранит. На месте, где некогда располагались финские хижинки в окружении болот, разместились голландские сады с теплицами, в которых выращивают экзотические плоды из тропиков.

В уже упомянутой выше работе «Очерки путешествия по России и Швеции» Р. К. Потера Петербург, где «каждый дом выглядит словно дворец», также производит неизгладимое впечатление на автора. Недостроенный храм, «посвященный Казанской Божьей Матери», поражает своей задумкой автора. По его заверению, после завершения строительства собору уготована судьба встать в один ряд с лучшими храмами Рима и Лондона¹⁶. Незаконченный архитектурный шедевр настолько изумляет путешественника, что он сравнивает его с лучшими примерами архитектуры античности. Поразил Р. К. Потера и Эрмитаж, заставив его отметить гений и талант Петра I.

Общество Санкт-Петербурга также заметно выделяется по отношению к населению остальных городов. Сторч в «Картинах Петербурга» рисует идиллический образ жителей столицы. Редакторы «The Edinburgh Review» связывают подобную идеализацию с тем, что автор произведения слишком долго прожил в Петербурге. Тем не менее рабочие столицы, несмотря на нищету, представляют собой наиболее одаренных, счастливых и богатых людей относительно представителей низов других столиц Европы. Женщины даже самого низкого положения всегда используют румяна, которые по заверению обозревателей издания не очень хорошо сочетаются с их естественной красотой.

Образ столичного общества пересекается со стереотипным образом национального характера русских: «Рассеянность и праздность – наиболее характерная черта для представителей среднего класса Петербурга. Их тяга к изобилию несовместима с экономией. Гостеприимство – полностью русская добродетель, правда её эффект зависит от наличия средств. Восемьсот фунтов в год – минимальная сумма, которая позволит любой семье удовлетворить свои аристократические замашки. Общественное положение и благосостояние гражданина имеет приоритет по отношению к благородному происхождению»¹⁷. В объяснении подобного парадокса авторы обращаются к Ш. Монтескье, который видел в этом особенности «деспотичного правительства, где все достоинства исходят от правителя и власти»¹⁸. «Клубы столицы – особое место, где могут присутствовать и мужчины, и женщины, а также представители знати и коммерсанты. При этом все посетители подобных заведений обладают “безупречными манерами”»¹⁹.

Р. К. Потер, судя по его «Очеркам», испытал своеобразный шок, попав после Зеландии в «прекрасный на первый взгляд» Кронштадт, где вокруг него заперстрили «бороды, смуглые люди, кепки, военная униформа, ротонды и треск языка, услышанного впервые»²⁰. Торговцы и владельцы лавок Петербурга вызывают недоумения у Потера. Они специально завышают цену на свои товары для иностранцев, хотя готовы уступить, в случае если путешественнику знакомы особенности местного ведения торговли.

Двоякость Санкт-Петербурга проявляется не только в красоте города, изысканности манер нобилитета и жадности наживы торговцев. Столица империи – беспримерный образчик стремительной модернизации, затеянной еще Петром I, которая контрастирует с отсталостью низших слоев города. В обзоре на «Очерки» Р. К. Потера шотландские обозреватели подчеркивают этот момент. Недостроенный Казанский собор представлен «как пример невероятных трудовых затрат страны, в которой низшие классы находятся на положении рабов или крепостничества»²¹. Потер, а за ним и редакторы «The Edinburgh Review», подчеркивает, что рабочие пригнаны сюда из различных территорий страны. Зимой, когда устанавливаются морозы, они возвращаются к себе обратно, дожидаясь более «добродушного времени года»²². Авторы обзора заостряют внимание, «что трудности в их труде связаны с тем, что трудятся они в одиночку», т. е. не прибегают к техническим ухищрениям. Это демонстрирует цивилизационную отсталость России: «То, что в Англии легко сделают с помощью одной лошади, с небольшой помощью механических устройств, здесь будет достигнуто силами числа нескольких мужчин. Столько бесполезного труда, о котором только и остается жалеть»²³. По мнению автора, нужно всего четверть от того числа людей, которые трудятся здесь с помощью рычагов и веревок, и с некоторой помощью технологических изобретений работа будет легко закончена в половину срока²⁴.

Еще больше отсталость подчеркивается при описаниях российской провинции. Так, Тверь – город торговли, в котором с трудом можно найти гостиницу, «даже без пустяковых удобств»²⁵. Здесь манеры местного населения грубы, и даже «за неумелый ремонт кибитки требуют 30 рублей»²⁶.

Авторы обзора на путевые заметки Р. К. Потера отмечают, что если петербургская знать более «цивилизована», одевается по последней моде и соответствует привилегированному образу жизни, то в Москве она «пребывает в варварской помпезности»²⁷. Хотя сам Портер возмущен распространённым мнением, что гостеприимство является «симптомом варварства». В подтверждение своих слов он отмечает, что «нигде не встречал таких изысканных манер»²⁸. Хотя его несколько смущает тяга знати к содержанию при своем дворе «карликов и дураков» для развлечения, которых одевают по последней моде в одежду из дорогих материалов²⁹.

Что же касается, южных окраин Российской империи, освещенных в раннем обзоре на книгу «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг.»³⁰ профессора Петера Симона Палласа, то они заметно отстают от центра, прозябают в нищете. Обозреватели «The Edinburgh Review» усматривают причины бедственного положения Крыма, который не так давно был присоединен к России, в резкой

политике правительства, исповедующего иную религию. При этом они видят в «южной колонии» колоссальный потенциал³¹.

Отношения между различными прослойками населения в Российской империи предстают в достаточно стереотипном свете. Исключением является лишь образ общества Петербурга, иллюстрированного Г. Сторчем, где достоинства жителей города ставятся выше происхождения, но и там обозреватели «The Edinburgh Review» снова оговариваются, что подобная ситуация характерна для деспотий, а сам автор излишне идеализирует столицу, в которой прожил долгое время. В остальном образ рабского положения основной массы населения «кочует» из одного обзора в другой. В статье, посвященной «Очеркам» Потера, авторы «The Edinburgh Review» заостряют внимание на происхождении архитектора Казанского собора А. Н. Воронихина, который был «раньше рабом графа Строганова. Но дворянин – из уважения к таланту – дал ему свободу»³². В том же обзоре шотландские публицисты из «The Edinburgh Review» дают обобщающую характеристику всего общества Российской империи: «У невежественных людей, в которых только проявляется цивилизация, мы видим неприкрытую корысть. Они не готовы делиться вещами, поскольку не видят в этом преимущества. Даже те, кто получил привилегию образования и изысканного общества, не лишены этого “унижающего недостатка”. Но есть и такие, кто осознают собственную подлость, которая проглядывается при смене масок, ведь их земельные арендаторы “стонут от угнетения”»³³.

Характеристика социальной сферы жизни Российского государства отсылает нас к образам власти. Российская империя – место, где господствует деспотизм. Её интересы «полностью формируются правительством и не связаны с мнением народа»³⁴.

В книге «Северное лето: или путешествие вокруг Балтики через Данию, Швецию, Россию и часть Германии в 1804 г.»³⁵ Джона Карра авторов обзора интересует лишь политическая история конца XVIII – начала XIX в., а именно «анекдоты» вокруг правления Екатерины II и интриги при дворе, связанные со смертью Павла I. В отношении императрицы обозреватели воспроизводят «новые анекдоты», которые представил на их суд Дж. Карр в своем труде. В частности, небезынтересно описание деликатного решения вопроса со странными сектантами, практикующими среди своих адептов кастрацию «во спасение» (авторы, скорее всего, ведут речь о секте скопцов). Их идеи были настолько популярны, что якобы становились угрозой вымирания для общества³⁶. Не менее любопытна и история жестокой расправы над яковинскими эмигрантами, которые добились широких симпатий среди низов Петербурга. Они были схвачены, помещены в сумасшедший дом, где к ним применялись пытки, после чего они были отпущены в новом качестве умалишенных

на свободу³⁷. При этом авторы обзора, не забыв намерения Павла I переориентировать внешнюю политику России с Англии на Францию и посылку им казаков в индийский поход, довольно безапелляционно заявляют, что этот император был «наиболее сумасшедшим из всех деспотичных правителей России, которых заботит лишь воплощение их капризных фантазий»³⁸.

Многоликость России проявляется еще и в комбинации антагонистических противоположностей внутри неё. Гений архитектора «вчерашнего раба» Казанского собора А. Н. Воронихина соседствует с варварскими пристрастиями московской знати держать для развлечения в качестве прислуги «карликов»; беспримерная целеустремленность, выраженная в небывалом строительстве Санкт-Петербурга с технологической отсталостью; нищета окраин империи с лоском и роскошью столицы.

Необходимо отметить, что в целом образ Российской империи стереотипичен. При этом у редакторов «The Edinburgh Review» есть своя четкая позиция, которая корректирует мнения и описания авторов книг. Если общество и правящие круги «идеализируются» или же, наоборот, наполнены «анекдотами», обозреватели об этом обязательно напомнят, скорректировав общее представление.

Примечания:

- 1 Проявлять любовь к книгам такого рода Ф. Джеффри и его коллеги начали с первого номера «The Edinburgh Review». В обзоре книги Уильяма Хантера «Путешествие в 1792 г. через Францию, Турцию и Венгрию в Вену» авторы поспешили сообщить об этом своим читателям: «Мы придерживаемся того мнения, что книги о путешествиях заслуживают большей степени внимания, пропорционально их достоинству, чем другие произведения более заурядной и простой композиции. И мы должны быть склонны, таким образом, в ходе нашего начинания смягчить в их пользу строгие правила отбора, которые руководили нами по отношению к другим жанрам литературы» (*Demata M. Prejudiced Knowledge : Travel Literature in the Edinburgh Review // British Romanticism and the Edinburgh Review. Hampshire, 2002. P. 87*).
- 2 Подробнее см.: *Гладышев А. В. Путешествие из Франции в южную Россию в первой половине XIX в. // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания : материалы междунар. науч. конф. (Пятигорск, 28–30 апреля 2007 г.). Пятигорск ; Ставрополь ; М., 2007. С. 42–57.*
- 3 О некоторых теоретических аспектах стратификации восприятий «Другого» на архетипы, стереотипы и, собственно, образы см.: *Гладышев А. В. Маленькая мушка в паутине // Ставропольский альманах российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2011. С. 50–66.*
- 4 *Storch H. The Pictures of Petersburg // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh, 1804. P. 317.*
- 5 *Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the*

- Russian Empire, in the years 1793 and 1794. Translated from the original German of Professor, Counsellor of State to the Emperor of Russia, Member of the principal Literary Societies of Europe, & e.c. & e.c. Vol. II // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh, 1803. P. 150.
- ⁶ Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia; with Remarks on their present Connexion, Political Influence, and future Project. In two Parts // The Edinburgh Review. Vol. IV. Edinburgh, 1810. P. 55.
- ⁷ Carr J. A Northern Summer : or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804 // The Edinburgh Review. Vol. VI. Edinburgh, 1805. P. 394.
- ⁸ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh, 1809. P. 182.
- ⁹ Clarke E. D. Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First – Russia, Tartary, and Turkey // The Edinburgh Review. Vol. XVI. Edinburgh, 1810. P. 340.
- ¹⁰ Karamsin N. Travels from Moscow through Prussia, Germany, Switzerland, France, and England // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh, 1804. P. 325.
- ¹¹ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808, by // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh, 1809. P. 182.
- ¹² Ibid. P. 192.
- ¹³ Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia ; with Remarks on their present Connation, Political Influence, and future Project. In two Parts. London, 1803 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. 1809. P. 55.
- ¹⁴ Ibid. P. 67.
- ¹⁵ Storch H. The Pictures of Petersburg. P. 317.
- ¹⁶ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. P. 177.
- ¹⁷ Storch H. The Pictures of Petersburg. P. 309.
- ¹⁸ Ibid. P. 319.
- ¹⁹ Ibid. P. 319.
- ²⁰ Porte R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. P. 182.
- ²¹ Ibid. P. 173.
- ²² Ibid. P. 184.
- ²³ Ibid. P. 184.
- ²⁴ Ibid. P. 184.
- ²⁵ Ibid. P. 193.
- ²⁶ Ibid. P. 184.
- ²⁷ Ibid. P. 193.
- ²⁸ Ibid. P. 193.
- ²⁹ Ibid. P. 180.
- ³⁰ Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. 1809. P. 150.
- ³¹ Ibid. P. 160.
- ³² Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. P. 184.
- ³³ Ibid. P. 186.
- ³⁴ Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia. P. 64.
- ³⁵ Carr J. A Northern Summer : or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. 1809. P. 394.
- ³⁶ Ibid. P. 400.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.

УДК [94+77](410)18]

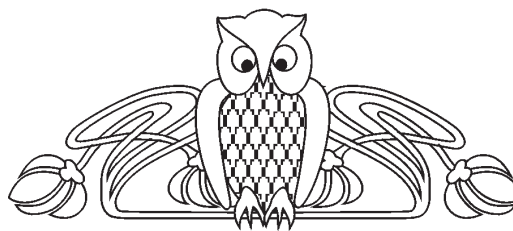
ЛОНДОНСКИЕ ТИПЫ НА КАРТИНЕ Ф. М. БРАУНА «ТРУД»

А. К. Костина

Саратовский государственный университет
E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

Данная статья посвящена рассмотрению того, как будничные реалии периода промышленной революции нашли отражение в английском искусстве середины XIX в. Используя комментарий художника Ф. М. Брауна к картине «Труд», сочинение Т. Карлейля «Прошлое и настоящее», автор анализирует их взгляды на современность, на положение и внешние проявления отношений между разными социальными слоями общества.

Ключевые слова: Т. Карлейль, Ф. М. Браун, викторианская Англия, протестантская этика, трудовая деятельность, прерафаэлиты, искренность в искусстве.

London Characters in the Painting «Work» by F. M. Brown

А. К. Костина

The article is devoted to the consideration of how everyday life during the industrial revolution period was reflected in the mid-XIX century English art. Using F. M. Brown's comment on his painting named «Work», T. Carlyle's essay «Past and Present», the author analyzes their views on modern life, state and reflex of the relations between different social stratas.

Key words: T. Carlyle, F. M. Brown, Victorian England, protestant ethic, work life, Pre-raphaelites, sincerity in art.